

пах дискурса, как дискурс соперничества, дискурс успеха и дискурс самоидентификации. Результатом анализа ДКМ двух финалистов — победителя и участника, занявшего второе место, мы выявили в качестве основной дискурс-категории в их ДКМ категорию саморепрезентации. Победитель репрезентирует себя как часть коллектива, через «Мы»-катеорию, в то время как проигравший ему соперник подает себя более индивидуально, через «Я»-катеорию. Таким образом, «коллективистская» самоидентификация более способствует победе в данной телевизионной передаче, чем «индивидуалистическая». Данный вывод верифицирует и подтверждает разработанную психологами теорию социальной идентичности и самокатегоризации (Дж. Тэжфел, Дж. Тернер). Согласно этой теории индивид в ситуации конфронтации в первую очередь идентифицирует себя, идентифицирует «другого» и на основании происходящего социального сравнения определяется то, по какому пути — кооперативному или конкурентному — будет структурироваться его взаимодействие с соперниками.

Стоит отметить роль культуры в моделировании индивидами своего поведения (в том числе и речевого). Как говорил российский философ, академик Вячеслав Степин в интервью Егору Хрусталеvu в передаче «Простые вопросы» (от 19.11.2015 г.), люди имеют две программы — генетическую и социальную. Для осуществления своей социальной программы человек должен действовать, его деятельность, в свою очередь, определяется целями, а цели определяются ценностями, которые являются прямым продуктом культуры. Так, люди моделируют свой дискурс в соответствии со своими представлениями о том, что отвечает системе культурных морально-этических норм данной социальной общности, а что нет, так же они и оценивают проведение дискурса своими оппонентами.

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ МАЛОЙ МИСТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ США КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВВ.

Шудейко М. Н., преподаватель

Рубеж XIX—XX вв. в истории человечества известен как смутное время — время глобальных перемен как в обществе, так и в сознании людей. Любые перемены несут с собой чувство неуверенности и страха, что, разумеется, отражается во всех сферах жизнедеятельности человека, и, в частности, в литературе. Ввиду данного обстоятельства вполне естественным является обращение многих писателей того периода к жанру мистической литературы, одним из центральных объектов которой является именно психологическое состояние персонажей, столкнувшихся с чем-то непознанным и пугающим.

Генри Джеймс, Эдит Уортон и Говард Лавкрафт — яркие представители литературы США рубежа XIX—XX вв., обращавшиеся в своем творчестве в том числе и к мистическому и сверхъестественному. Можно смело заявить, что период деятельности упомянутых авторов является особым этапом в развитии Американской литературы. Творчество Джеймса, Уортон и Лавкрафта — выходцев из Новой Англии — объединяет ряд общих черт, при этом работы каждого, конечно, несут отпечаток личности и индивидуальности автора.

Причина, по которой нас интересует именно малая мистическая проза трех авторов писателей, заключается в некоторых особенностях произведений малой формы. Так, например, если в произведениях крупной формы (например, романах) личностный портрет персонажа составляет множество деталей, раскрываемых читателю в ходе долгосрочного развития событий, создавая при этом динамичный и изменяющийся образ героя, в рассказах или новеллах перед читателем предстает психологическое состояние персонажа в конкретной ситуации и в ограниченном промежутке времени. Также малая проза гораздо быстрее удовлетворяет читательский интерес, что создает прекрасные условия для более целостного и единого восприятия таких произведений. Кроме этого, малая мистическая проза — жанр мало исследованный и поэтому предоставляющий ценный материал для понимания литературного процесса.

Особенностью мистического рассказа, новеллы или повести также является более обширное проблемное поле по сравнению с жанром готики (оставшаяся нераскрытой какая-либо тайна, выход за пределы готического хронотопа и пересечение с социально-нравственной тематикой, недосказанность, прием умолчания и др.), большая концентрация на образе и более тесная связь с воспринимающим сознанием, что, несомненно, делает рецептивный аспект этой прозы значимым аргументом для ее более полного постижения.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что в XX в. мистическая проза вновь приобретает огромную популярность. Ее влияние распространяется на многие сферы жизни людей, начиная с их мировоззрения (например, готическая субкультура). В свою очередь творчество Генри Джеймса, Эдит Уортон и Говарда Филлипса Лавкрафта вдохновило современную культуру на многое. По мотивам их произведений снимаются фильмы, а также циклы фильмов и сериалы (к настоящему дню экранизаций их произведений уже более 15). В музыке также ощутимо их влияние: например, существует группа «*H. P. Lovecraft*»; по сюжетам его рассказов пишутся тексты песен и дают им названия; по мотивам новеллы Джеймса «Поворот винта» даже была написана и поставлена опера. А произведения Лавкрафта лежат в основе не одной компьютерной и настольной игры.

В русскоязычном литературоведении встречаются исследования творчества всех выбранных нами авторов в качестве отдельных объектов литературоведческого анализа. Наиболее широко изучено творчество Г. Джеймса (О. Ю. Анцыферова, Т. Л. Морозова, Э. В. Нерсесова, Т. Л. Селитрина и др.), Также есть отдельные исследования работ Эдит Уортон (М. П. Кизима, И. Н. Тимошенко и др.), в то время как творчество Лавкрафта (новеллистика 1920—1930-х гг.) пока изучалось лишь Т. М. Ковальковой. В белорусском литературоведении художественные особенности произведений этих писателей вовсе не изучались, а также прежде их рассказы и новеллы никогда не рассматривались в рамках единого сопоставительного исследования, хотя для этого есть все основания.

Ввиду вышеперечисленных причин кажется вполне целесообразным исследование малой мистической прозы Г. Джеймса, Э. Уортон и Г. Ф. Лавкрафта, в ходе которого предполагается выявление общих и индивидуальных лингвистических средств и компонентов, определяющих художественное своеобразие произведений указанных авторов.